

Елена ЕРЗИНКЯН

Ереванский государственный университет

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ ОПИСАНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Данная статья посвящена способам концептуализации пространственных отношений в языке. Пространство представляется как один из получивших отражение в языке первичных базовых концептов, на основе которых складывается концептуальная система языка. Выделяются основные факторы, релевантные при обозначении пространственных отношений. Особое внимание уделяется особенностям восприятия и языкового кодирования пространственных отношений дейктическими средствами концептуализации действительности.

Ключевые слова: языковая картина мира, пространство, пространственные отношения, концепт, восприятие, семантические отношения, дейксис

Категория пространства, как и категория времени, занимает одно из центральных мест не только в лингвистике и других науках, но и в повседневной жизни человека. Знание пространственного расположения часто является обязательной предпосылкой для ориентации в окружающем мире. Человек существует в пространстве и во времени: наши действия и состояние, в котором мы находимся, наш опыт и наши мысли привязаны к пространству и времени. Это, бесспорно, одно из самых объективных утверждений об устроенности мира и способе языковой концептуализации этого мира, понимаемого широко как мира физического, духовного, ментального. При этом человек, с одной стороны, вовлечен в пространство и время, и эти две категории имеют определенное влияние на него, с другой стороны, человек влияет на пространство и время, так как он сам становится центром пространственных и временных отношений. Выдвинутый в качестве ведущего в лингвистике принцип использования языка говорящим имеет следствием признание того, что окружающая действительность воспринимается и определяется через личностно-пространственно-временные координаты.

Семантическое направление, характерное для лингвистики второй половины XX в., к началу XXI в., черпая силы в прагматической, функциональной и когнитивной ориентации исследований, пришло к осознанию положения о том, что «в действительности важны не столько физические пространства и времена, сколько способ их восприятия говорящим» /Апресян, 1995: 637/. Как же отражаются пространственные и временные характеристики в нашем сознании и языке, как язык помогает в освоении нашего жизненного прост-

ранства, как мы можем ориентироваться в пространстве при помощи языка? Вопрос о том, как пространственные характеристики воспринимаются и когнитивно обрабатываются, ведет к проблеме когнитивной репрезентации того, как человек структурирует окружающее пространство, которое требует от него языковой интерпретации. В результате таких интерпретаций возникают пространственные образы, с помощью которых становится возможным ориентирование и перемещение человека в пространстве.

Пространство представляет собой одну из основных проблем человеческого существования. Как одно из базовых понятий науки, философии и культуры и всеобщая, универсальная категория бытия (наряду со временем) пространство является важнейшим параметром экстралингвистической действительности и основным концептом человеческого сознания, который находится в центре внимания исследователей с древнейших времен до наших дней.

Исследование категории пространства имеет богатейшую философскую традицию. Об этом свидетельствует многообразие подходов при описании и истолковании пространства. Приведем несколько базовых замечаний о категории пространства в аспекте современных философских и лингвофилософских исследований.

Пространство – это, с одной стороны, порядок расположения сосуществующих объектов, с другой – форма существования, упорядочения мира и одна из фундаментальных категорий мировосприятия человека /Флоренский, 1989/. Вопрос о пространстве (и времени) как о первичных онтологических категориях человеческого познания рассматривался философами в различных аспектах. Материализм доказал объективную реальность существования пространства и времени независимо от субъективного восприятия, их универсальность и всеобщность, неотделимость от движения материи, а также трехмерность пространства, характеризуемого длиной, шириной и высотой (глубиной) и определяющего расположение одномоментно существующих объектов, и одномерность и необратимость времени, вместе составляющих единое четырехмерное целое.

Современные философы выделяют разные типы пространств, причем под терминологической пестротой нередко скрывается близкое содержание. Существенным с точки зрения лингвистики и, в частности, ее когнитивного направления является следующее разграничение типов пространств: а) *реальное*, объективное, окружающее человека трехмерное физическое пространство в своей целостности; б) *психическое*, воспринимаемое, умозрительное пространство, дающее субъективные представления человека об объективном пространстве; в) *языковое* пространство как отражение когнитивного пространства в языке, включающее лингвистические категории и всю систему язы-

ка. Психическое и языковое пространства тесно связаны между собой (как и с категорией времени). Как указывает Л.С. Выготский, в промежутке между мыслью и высказыванием во времени и пространстве происходит несколько процессов: переход от смутного смысла к импульсу, затем к расплывчатому представлению внутренней речи (*lingua mentalis*) и затем от внутренней речи к внешней речи (высказыванию) /Выготский, 1982/.

В последнее время появилось большое количество работ, посвященных взаимосвязям между естественным языком, с одной стороны, и познанием и восприятием пространства, с другой. Рассмотрение категории пространства как понятийной категории тесно связано с понятием «картина мира». Утверждая, что картина мира – вторичное существование объективного мира, реализованное при помощи языка, ученые считают, что концептуальная картина мира не равна языковой картине мира, так как основана на разных типах мышления /см., например: Цивьян, 2009; Kemmerer, 1999/.

Общеизвестно, что один и тот же предмет или явление объективной действительности могут описываться по-разному в зависимости от «видения мира» носителей того или иного языка. Сущность этих различий заключается в том, что точка зрения говорящего как бы перемещается, он может смотреть на одно и то же явление с разных точек, с разных позиций.

Говоря об особенностях восприятия, концептуализации и языкового кодирования пространственных отношений, следует иметь в виду ряд универсальных положений, которые являются результатом лингвистических и психологических исследований индоевропейских языков. Следующие из них представляются наиболее значимыми.

1) Наивное восприятие человеком сущности и природы пространства является «эгоцентрическим». Как пишут об этом Дж. Миллер и Ф. Джонсон-Лэрд, при эгоцентрическом использовании концепта пространства «эго» ставится в центр мироздания; исходя из этого человек может устанавливать трехмерную систему координат в соответствии со своей собственной ориентацией /Miller, Johnson-Laird, 1976: 394-395/.

2) Все пространственные обозначения в языке глубоко антропоцентричны. Говоря словами Дж. Лайонза, “in the man’s world – world as man sees it and describes it in everyday language – he is, in the most literal sense, the measure of all things. Anthropocentrism is woven into the very fabric of his language” /Lyons, 1977: 690/. Так, пространство «организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Это одна из первых реалий бытия, воспринимаемая и дифференцируемая человеком» /Гак, 1998: 127/. И поскольку в центре внимания человека находится он сам, то отсюда его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему.

3) При локализации и ориентации в пространстве человек использует систему координат, построенную на основе вертикальной позиции говорящего (измерение «верх-низ»), асимметрии строения человеческого тела (измерения «перед-зад» и «правый-левый» на горизонтальной поверхности). Более того, эта система координат проецируется с говорящего на слушающего или на предмет, относительно которых определяется пространственная локализация или ориентация. Заметим, что, по мнению ряда исследователей, наиболее значимой среди всех пространственных измерений как психологически, так и физически является ось «верх-низ». Это измерение является основным также и с точки зрения языка. Человек обычно движется вперед по направлению взгляда и контактирует со своим собеседником, находясь к нему лицом к лицу (face-to-face) и на некотором расстоянии, чтобы видеть его. Земля играет важную роль как исходный уровень, как точка отсчета, зафиксированная системой координат. Существовая на поверхности Земли и под воздействием силы притяжения, человек ощущает и осознает объекты в пространстве, как, например, то, что небо находится наверху, «недра» Земли – внизу и т.п.

Еще раз подчеркнем, что пространственные отношения относятся к числу фундаментальных отношений, с которыми, в первую очередь, соприкасается человек, воспринимая действительность. Осознавая положение вещей в пространстве, человеку самому легче ориентироваться в этом мире. Отсюда следует, что языковые средства их представления выступают необходимой частью выражения координации человека в пространстве и членения мира вообще.

Генетически первичный концепт пространства, выражаемый в системе различных средств языка, есть отображение представлений людей о пространственных отношениях, восприятие которых, по определению В. Г. Гака, – «одно из первых и элементарных проявлений познания мира человеком, одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» /Гак, 2000: 134/. Концепт «пространственные отношения» имеет многокомпонентную и многослойную структуру, которая выявляется через анализ языковых средств ее репрезентации.

Как представляется, основополагающей для изучения пространственных отношений в языке, является категория дейксиса как одна из наиболее ярких языковых категорий, кодирующих понятие пространственной относительности в языке. Дейксис является глобальной языковой универсалией. Дейктичность как лингвистическая категория – есть неотъемлемое свойство любого естественного языка, отражающее в лингвистических структурах его взаимоотношения с личностно-пространственно-временным контекстом. При анализе пространственных отношений, выражаемых дейктическими средствами, особенно важно определение четкой системы пространственных координат, позволяющей идентифицировать взаимное расположение объектов.

Пространственный дейксис представляет *относительную* характеристику пространства и обычно определяется в современной лингвистике как указание на близость/отдаленность в пространстве относительно центра речевой ситуации – говорящего. Заметим, что пространственный дейксис может указывать на статические и динамические пространственные отношения, в связи с чем выделяются два подвида пространственного дейксиса: дейксис места и дейксис направления (ср. *здесь* и *сюда*).

Локализация объектов в пространстве может осуществляться на базе различных параметров: кроме основного дейктического параметра ближний-дальний, также задействованы параметры правый-левый, передний-задний, внешний-внутренний, высокий-низкий, верхний-нижний, стороны света, начало-конец. Так, некоторые языки демонстрируют довольно сложную и разветвленную систему не только по степени близости/отдаленности от говорящего/слушающего, но и по другим дейктическим измерениям, таким как, говоря словами Д. Кеммерера, “elevation (up/down), geography (uphill/downhill, upriver/downriver, north coast/south coast) and movement (towards speaker/away from speaker/laterally across visual field of speaker)” /Kemmerer, 1999: 47/. При реализации этих параметров в силу своей специфики задействуются разные ориентационные механизмы: одно и то же пространственное отношение может разворачиваться в рамках различных координат, каждая из которых зависит от точки отсчета, позиции субъекта, воспринимающего ситуацию, которым может быть как говорящий (в канонической ситуации общения), так и другое лицо – наблюдатель, с позиции которого представляется ситуация.

Следует отметить, что вообще признак перцептивности является важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции дейктичности в языке. Наблюдаемость, как и другие типы восприятия мира человеком (в частности, слуховой), является одним из основных элементов отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего или другого воспринимающего субъекта. Признак перцептивности реализуется и конкретизируется в обозначении момента фиксации воспринимаемого процесса, наблюдателя (воспринимающего субъекта) и места протекания воспринимаемого процесса (в определенном отношении к позиции восприятия) /Бондарко, 2002: 14/. Выделенные три сферы конкретизации принципа перцептивности, по сути, сходны с традиционно выделяемыми тремя измерениями речевого акта *я–здесь–сейчас*, с той лишь разницей, что вместо «я» говорящего может быть человек, как бы наблюдающий со стороны. Как далее отмечает А.В. Бондарко, «наблюдаемость предполагает определенную пространственную сферу, субъекта и объекта восприятия. <...> По существу, мы имеем дело с особой «скрытой категорией», связывающей признаки локативности с восприятием окружающего мира человеком» /Бондарко, 2002: 275/.

Поэтому в теории пространственного дейксиса особое значение имеет введенное Ю.Д. Апресяном понятие «фигуры наблюдателя» /Апресян, 1995: 632/, которое исходит из того, что точка отсчета пространственного дейксиса не всегда совпадает с говорящим, за исключением ситуаций, обозначаемых классическими дейктическими словами here-there, this-that. И все же не следует забывать, что определяющим фактором в формировании координатных осей высказывания являются говорящий и (говорящий) слушающий, ибо, как отмечает Ю.Д. Апресян, «в этом отношении у говорящего нет конкурентов». И рассуждая о перцептивности, следует иметь в виду интерпретацию наблюдаемости явлений внешнего мира с точки зрения воспринимающего говорящего и воспринимающего слушающего. Кроме того, на наш взгляд, понятие наблюдаемости включает в себя не только то, что точкой отсчета может быть лицо, отличное от говорящего, но и то, что для дейктической локализации объекта требуется оценка ситуации речи (его пространственно-временных параметров), как бы взгляд со стороны. Поэтому в высказывании, кроме передачи информации от говорящего к слушающему, имеет место передача позиции субъекта речи, отражающей эту оценку. Здесь представление мира и оценочное отношение субъекта речи к предмету мысли как бы смыкаются воедино.

Ввод фигуры наблюдателя в метааппарат дейктического описания позволяет соотнести собственно семантическое моделирование дейктического значения, предполагающее установление связи между языковым знаком и набором содержательных признаков со знаковой моделью дейктической единицы, предполагающей репрезентацию последней не только во взаимосвязи с внешним объектом, но и с ментально-перцептивной структурой. Указание на наблюдателя как на определенную точку отсчета при категоризации пространственно-временных отношений отражается в значениях дейктических единиц и, соответственно, предопределяет их функционирование в речи.

Ориентация на наблюдателя (субъекта восприятия) как точку отсчета при обозначении воспринимаемых человеком пространственных отношений между предметами и явлениями действительности особенно четко проявляется в довольно вариативной гамме пространственных выражений.

Наиболее ярко вышесказанное выражается в словах с семой «пространственная относительность». Рассмотрим подробнее указанные выше отношения на примере наречий места как лексических единиц с категориальной семой «пространственная относительность». Отношения, выражаемые этими наречиями в языке, являются отражением воспринимаемых человеком реальных отношений, существующих между предметами, явлениями, событиями в объективной реальности. Выполняя номинативную функцию, они служат обозначением пространственных отношений, познанных человеком в ходе практического освоения действительности.

Семантика местоименных (дейктических) наречий может быть ориентирована относительно говорящего, слушающего или некоммуникативного лица (наблюдателя). Так, *forward* включает в семантику указание на говорящего (*towards the front in the direction one is facing*), также как и *up* (*used vaguely, in a way similar to the use of down, round, over, across*) to the place in question, or in which the speaker is, was, will be. А, например, *behind, beyond, across* имплицитно содержат в себе отсылку к (воспринимающему) наблюдателю, с позиции которого может быть представлена обозначаемая ситуация: *beyond – on or to the further side of something: They crossed the mountains and headed for the valleys beyond; behind – at or towards the back of a thing or person: The car behind was hooting impatiently; across – from one side to the other side: It's too wide. We can't swim across*. Наличие пресуппозиции о человеке-наблюдателе в этих лексемах обусловлено тем, что описываемый/локализуемый объект находится вне поля зрения говорящего, кодирующего ситуацию, и возникает необходимость учета этого фактора при выборе исходной позиции, относительно которой семантически развертывается обозначаемая ситуация.

Рассматриваемые наречия отражают трехмерность пространства как универсально-мыслительной категории. Трехмерность пространства как объективное свойство действительности является отражением когнитивных механизмов, лежащих в основе восприятия и познания мира человеком. Ориентироваться, идентифицировать себя в окружающем пространстве человеку помогает серия пространственных оппозиций, традиционно используемых в разных культурах для описания и структурирования окружающего мира.

Как уже отмечалось, ориентиром для пространственного определения предметов, его естественной нулевой точкой является поверхность Земли, ее уровень. Анализ языкового материала показывает, что в сознании человека всякий физический объект или ментальная сущность обладают не только своим местом, но и своим уровнем в пространстве. В представлениях человека бытие организовано не только по горизонтали, но и по вертикали. Язык отражает это, используя как вертикальное (*верх/низ – up/down*) положение человека, которое является обычным при перемещении человека по Земле, так и горизонтальное положение (*спереди/сзади – front/back, слева/справа – right/left*).

Оппозиция *верх-низ*, по мнению многих исследователей, наиболее значима для большинства культур. Вертикальная ось считается основополагающей для мироздания. Так, например, мифы членят мир в основном по вертикали. Безусловно, горизонтальная ось имеет не меньшее значение, но, в отличие от вертикальной, она доступна обычному человеку, тогда как вертикальную ось преодолеть может не каждый /см. об этом: Топоров, 1983: 227-284/.

Человек судит о положении в пространстве других лиц, предметов и т.п.,

опираясь на знания о свойствах, характеристиках своего тела. Особая значимость вертикальной оси обусловлена самим строением человека: именно тело человека структурирует пространство, задавая его мерность. Дейктики места как составная часть пространственной лексики за основу пространственных спецификаций принимают положение *тела* говорящего и слушающего (ср. ‘the bodies of the communication act participants’ /Fillmore, 1982: 37/, ‘bodily space’ (including the perceptual and kinetic field of corporeal engagements) /Kemmerer, 1999: 54/). Мысль о том, что в указании на пространственные отношения исходной точкой служит позиция тела говорящего, подчеркивается и другими авторами, однако наиболее четко она высказана Ч. Филлмором, заметившим, что говорящему было бы трудно мыслить такие слова как *up/down*, *front/back*, *left/right*, если бы у него отсутствовало тело или не было бы образа тела – *a body image*) /Fillmore, 1975/.

Итак, при рассмотрении отражения пространственных отношений в семантике естественных языков принято говорить о системе координат с тремя осями: *up/down*, *front/back*, *left/right*. Эти три оси воспринимаются нами различными путями: “The *up/down axis* is determined by our recognizing the direction of the pull of gravity, and is therefore not to be explained in terms of egocentric or anthropocentric predispositions of language users. The *front/back axis* is determined by certain inherent asymmetries of a reference to object, that object’s front side determined with reference to its ability to move with a fixed orientation, to a canonical means of human access to the object, or to the object’s similarities with the human body. The *left/right axis* is cognitively available, it seems, through unanalysed personal experiences with the basic bilateral asymmetries in the workings of our own bodies” /Fillmore, 1982: 36–37/. Исходя из вышесказанного, ориентацию *left/right* можно считать эгоцентричной, ибо различие, в первую очередь, определяется положением тела говорящего, ориентацию *front/back* – антропоцентричной, поскольку мы учимся оперировать этими терминами в соответствии с положением тел окружающих нас людей. Что касается ориентации *up/down*, то она основана на пространственных отношениях, существующих и определяемых независимо от нас и совпадающих с гравитационным определением вертикальности (ср.: небо над нами, земля под ногами).

Началом системы координат, используемой человеком при восприятии физического пространства, является его вертикальное положение. Это означает, что нормальное, «каноническое» положение человека/наблюдателя в пространстве – это его положение стоя, т.е. его вертикальная поза, откуда человек воспринимает и представляет пространство. Представление о направлении «вверх-вниз» дается различием между верхней и нижней частями тела соответственно по отношению к голове и ногам: оно объективируется в отра-

жении направления земного тяготения, т.е. ориентиры здесь заданы объективно силой земного притяжения. В английском языке представления об абсолютных «верхе» и «ниже» также связаны с представлениями о голове и ногах, что находит свое выражение в частотном употреблении фразовых глаголов с модификаторами направления движения *up* и *down*. Так, например, фразовый глагол *V + down* призван описывать движение (действие), направленное сверху вниз, или переход из прямого (стоячего) положения в иное (лежащее, сидячее и т.п.). Отсюда можно заключить, что английский язык проявляет тенденцию к конкретизации направления движения тела, четко дифференцируя языковые средства, передающие разные аспекты экстралингвистической ситуации. Сравним *sit down* (сесть из положения *стоя*) и *sit up* (*rise from lying down to a sitting position*, т.е. сесть из положения *лежа*); *straighten oneself up/right oneself up* (*make the body straight and vertical, to stand up straight, erect in posture*, т.е. выпрямиться в положении *стоя*) и *sit up/sit upright* (*sit with the spine erect, sit straight and not bend or lean*, т.е. выпрямиться в положении *сидя*).

Уже отмечалось, что вертикальное измерение является центральным и с точки зрения всей системы языка, а из горизонтальных осей *front/back* является ведущей, по отношению к которой измерение *right/left* является зависимым. Горизонтальные измерения не являются столь строго фиксированными как вертикальное; человек асимметричен в одном горизонтальном направлении и симметричен в другом. Направление горизонтальных осей координат основано на соответствии со зрительным аппаратом человека. Как тонко заметил Л.В.Щерба, «в основе наших обывательских понятий «прямо», «направо», «налево» лежит, я думаю, линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой» /Щерба, 1974: 280/. При этом, как отмечалось, симметричная горизонтальная ориентация зависит от асимметричной горизонтальной ориентации и является вторичной по отношению к ней (понятие стороны предмета определяется в зависимости *от лица*). Оппозиция *спереди-сзади* и *далеко* относятся к фасадной, «лицевой» ориентации, а *право-лево* и *сторона* – к боковой, латеральной.

Как известно, пространственные отношения у двух беседующих лиц, стоящих лицом друг к другу, прямо противоположны. То, что для одного «справа», для другого «слева», то, что для одного «спереди», для другого может быть «сзади» и т.п. Если говорящий произносит ‘The dog is behind the car’, это означает, что собака находится по другую сторону от машины относительно того места, где стоит говорящий/наблюдатель. Но здесь, по-видимому, возможна и другая интерпретация: собака находится по заднюю сторону от машины безотносительно к местоположению говорящего, а относительно объективно свойственных машине как объекту задней и передней сторон. В таком случае имеет место фронтальная ориентация объекта, связанная с пространственным представлением, которое Дж. Лич называет первичной горизон-

тальной осью /Leech, 1974: 130/. Последняя не учитывает точки зрения наблюдателя: первичная горизонтальная ось задает направление в пространстве, пересекая объект через переднюю (фасадную) и заднюю (тыльную) стороны.

Для того чтобы понять различие между этими двумя интерпретациями, остановимся вкратце на выделяемых при изучении пространственных отношений в языке двух типах ориентации – абсолютной и относительной (ср.: topological and non-topological (projectional) locations /Frawley, 1992: 262-263/).

Поскольку дейктики служат, прежде всего, для передачи идеи расположения объекта относительно некоторой точки отсчета, будь то говорящий, слушающий или какой-либо другой объект, для интерпретации их номинативной функции важно отметить, что в наивной картине мира прототипические объекты – это предметы, вещи и тела (людей и животных), то есть объекты, характеризующиеся обычно четкими физическими признаками (ср.: with *inherent* fronts and backs /Rauh, 1983/). Им присуще свойство визуальной выделенности, фасадности, отдельности, качественной определенности и т.п. Иными словами, это объекты, анатомическое строение, конструкция или функциональное предназначение которых предполагает наличие у них передней (лицевой, фасадной) и, соответственно, задней (тыльной) сторон, т.е. это объекты с фронтальной организацией. А это означает, что локализуемый объект, являясь *изначально ориентированным* объектом, обладает способностью задавать направление в пространстве, благодаря чему и становится возможной его абсолютная ориентация.

При другом (относительном) способе ориентации направление в пространстве задается не самим локализуемым объектом, а независимой от него пространственной точкой, относительно которой устанавливается соположение двух объектов. Традиционно эта точка считается позицией говорящего/наблюдателя. Однако, учитывая все разнообразие возможных пространственных описаний, включая и такие, которые не предполагают наличие наблюдателя, мы предпочитаем использовать более общий термин «точка отсчета», или референтная точка. И поскольку многие объекты, предметы имеют «внутреннюю» (intrinsic, inherent) ориентацию со своими передней, задней и боковыми частями, то принципиально возможна их двойная ориентация: на говорящего/наблюдателя и на некоторую другую точку отсчета.

Для иллюстрации данного положения рассмотрим предложение “*John is in front of the museum*”, которое означает то, что ‘John is located in the space projecting outward from the entry of the museum’, то есть ‘the intrinsic front of the reference object (*at the museum’s front*)’, или то, что ‘John is in front of the museum as you view it’ (the intrinsic front via the frame of the viewer). Заметим, что во втором случае Джон может даже находиться в тыльной (задней) стороне музея, хотя это и остается его передней стороной *с точки зрения наблюдателя*.

Напомним, что это свойство слов со значением пространственной ориентации на материале русского языка рассматривается Ю.Д. Апресяном /см. Апресян, 1995/. В английском языке предложения 'There is a tree across the road' и 'The helicopter is over the hill' репрезентируют две различные ситуации: а) безотносительно к наблюдателю; б) относительно наблюдателя /Bennet, 1975/. Аналогичную интерпретацию находим в работе Frawley /1992/, где, рассматривая предложение 'Bob is behind the house', автор говорит о двух возможных интерпретациях: 'a viewer-centered' и 'a reference-object-centered interpretation'. Для сравнения приведем термины Дж. Лича 'a point of orientation' и 'a point of observation', в принципе указывающие на те же две возможные интерпретации /Leech, 1969/.

Универсальность принципов перехода от одной ориентации дейктических элементов на другую подтверждается тем, что в английском языке, имеющем целую систему лексических показателей пространственного дейксиса, обнаруживается немало ситуаций, в которых действует аналогичная стратегия употребления дейктических слов. Сравним, например, употребление наречий *left* и *right* в контекстах типа А: 'Haven't you seen my glasses?' (Ты не видел мои очки?) – В: 'Look, here they are, on the left (cp. to *your* left)'. (Да вот они слева. – Ср.: у *тебя* слева, слева от *тебя*). При этом «слева» с точки зрения говорящего может оказаться и «справа». Все зависит от того, принимает ли говорящий точку зрения своего адресата-визави или же соотносит ситуацию со своей позицией, с позицией своего тела.

Рассмотрим еще одну ситуацию: '*John is the man to the left of Mark*', где Джон может находиться слева от Марка или же по левую сторону от говорящего, точнее с точки зрения говорящего-наблюдателя. Выбор в данном случае зависит от говорящего, то есть человека, «производящего обозначение»: от того, включает ли он себя в это «обозначение» в качестве участника события или наблюдает ситуацию со стороны.

Таким образом, дейктические слова *left/right* носят ярко выраженный эгоцентрический характер, так как в их основе, как мы уже отмечали, лежит «линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой». Эти дейктики способны выполнять свою функцию благодаря постоянной соотнесенности с говорящим, который может использовать в качестве ориентира как самого себя, так и слушающего или другие объекты, находящиеся в пределах речевой ситуации. Так, предложение 'A is to the left of B' будет правильно ориентировать слушающего, если положение говорящего и слушающего в момент речи по отношению к В совпадает, если же оно не совпадает, тогда требуется уточнение 'A is to the right of B as you are facing it' (для ситуации речевого акта) и 'A is to the right of B if you are looking north from C' (для воображаемой ситуации) /Fillmore, 1975/.

Заметим, что для обозначения латеральных (боковых) пространственных отношений используются и другие средства. Сравним еще два предложения: *'Ann is beside the car'* и *'Ann is to the right of the car'*. В первом предложении латеральность носит общий характер и указывает на относительную близость к объекту без других ограничений касательно стороны объекта. Во втором предложении уже имеем возможность двух интерпретаций: а) *Ann is to the right of the car from where I'm standing*, ориентированное на говорящего/наблюдателя и б) *Ann is to the car's right*, значение, заданное внутренней ориентированностью объекта.

Еще более осложняются отношения, если направление взгляда (*direction of gaze*) говорящего и слушающего находится под углом 90° по отношению друг к другу: в таком случае «слева» для говорящего будет «по правую сторону» для слушающего, если слушающий находится по левую сторону от говорящего, и место, на которое указывается, находится между ними (говорящим и слушающим); если же обозначаемый фрагмент пространства не между ними, то он находится по левую сторону и от говорящего, и от слушающего /Klein, 1982: 165/. Здесь мы выходим уже в область чистой прагматики речи, которая непосредственно не является целью настоящей работы и рассматривается лишь по мере необходимости.

Итак, пространственная семантика – чрезвычайно обширная область семантики, составляющими которой являются, например, совокупность геометрических характеристик, параметрических свойств предметов действительности и их соотношения между собой. В то же время одной из важнейших пространственных характеристик в аспекте создания и употребления языка говорящим можно считать семантику языковых единиц, актуальных с точки зрения пространственной ориентации человека и предметов и их локализации. Субъективный антропоцентрический характер языкового описания пространственных отношений проявляется в *относительности* пространственных характеристик и в его неразрывной связи со временем.

Семантика пространственной ориентации человека формируется в языке в связи с ее прагматической важностью для познания и освоения мира. Пространственная семантика – результат коммуникативно-прагматической деятельности человека: человек, особенно на первом, «прототипическом», этапе своего пребывания в нем, не может познать мир, не сделав в него шага и не встретив предмета, способствующего освоению этого мира или препятствующего этому. В силу первичности, наглядности, пространственная семантика является важным компонентом осмысления мира. Концептуальные пространства заимствуют параметрическую сетку у реального пространства, так как она является способом представления результатов постижения усвоенности знаний в определенной области. Механизм воплощения прост-

ранственной семантики в языке и речи – один из ключей к выяснению устроенности языка и его функциональных возможностей.

Обобщая, отметим, что изучение категории пространства в современной лингвистике направлено, прежде всего, на выявление связи языкового оформления с понятийной структурой и иерархическими отношениями в концептуальной модели. Представляя собой одну из главных познанных человеком форм существования материи, пространство находит свое отражение в различных языковых единицах, при помощи которых осуществляется пространственная локализация/ориентация и ограничение действия или состояния пространственными рамками. Анализируя дейктики с пространственной семантикой, т.е. языковые единицы, служащие обозначением пространственных *отношений*, познанных человеком в ходе практического освоения действительности, мы познаем законы языка в аспекте конкретно-практической деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т.*: т. 2. М., 1982.
4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Гак В.Г. Пространство вне пространства // *Логический анализ языка. Языки пространств*. М.: Языки русской культуры, 2000.
6. Топоров В.Н. Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М.: Наука, 1983.
7. Флоренский П.А. Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1989.
8. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Либроком, 2009.
9. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974.
10. Bennet D.C. Spatial and temporal uses of English prepositions: An essay in stratificational semantics. London: Longman, 1975.
11. Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on deixis. Bloomington, Indiana University Linguistic Club, 1975.
12. Fillmore Ch. Towards a descriptive framework for spatial deixis // Jarvella R.J. & W.Klein (eds.) *Speech, place and action: Studies in deixis and related topics*. Chichester, etc.: John Wiley & Sons, 1982.
13. Frawley W. Linguistic semantics. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1992.

14. Kemmerer D. “Near” and “far” in language and perception // *Cognition*, v. 73, 1999.
15. Klein W. Local deixis in route directions // Jarvella R.J. & Klein W. (eds.) *Speech, place and action: Studies in deixis and related topics*. Chichester, etc.: John Wiley and Sons, 1982.
16. Leech G.N. *Towards a semantic description of English*. London: Harlow, 1969.
17. Leech G.N. *Semantics*. New York, Harmondsworth: Penguin Books, 1974.
18. Lyons J. *Semantics*, v. 1–2. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
19. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. *Language and perception*. Cambridge (Mass.) and London: Harvard Univ. Press and Cambridge Univ. Press, 1976.
20. Rauh G. Aspects of deixis / Rauh G. (ed.) *Essays on deixis*. Tübingen: Narr Verlag, 1983.

Ե. ԵՐԶՆԿՅԱՆ – Լեզվում տարածական հարաբերությունների արտահայտման միջոցների առանձնահատկությունների շուրջ. – Հոդվածը նվիրված է տարածական հարաբերությունների ընկալման, իմաստավորման և լեզվում «կոդավորման» հարցերի ուսումնասիրությանը: Տարածության հասկացության հենքի մշակումը հնարավորություն է ընձեռում վերհանել տարածական հարաբերությունների լեզվական արտացոլման առանձնահատկությունները ցուցայնության կարգի միջոցով:

Բանալի բառեր. աշխարհի լեզվական պատկերը, տարածություն, տարածական հարաբերություններ, կոնցեպտ, ընկալում, իմաստային հարաբերություններ, ցուցայնություն

Y. YERZNKYAN – On Linguistic Representation of Spatial Relations. – The paper deals with the study of spatial relations based on the correlation of language and perception. Spatial relations are considered as a primary basic concept codified and verbalized in the language through different language means. An attempt is made to establish the relevant factors for their conceptualization, categorization and verbalization. Of special interest is the role of deictic expressions in this process.

Key words: language picture of the world, space, spatial relations, concept, perception, semantic relations, deixis

Ներկայացվել է՝ 23.02.2021
 Երաշխավորվել է ԵՊՀ Անգլերենի թիվ 2 ամբիոնի կողմից
 Ընդունվել է տպագրության՝ 14.04.2021